

На правах рукописи

Вершинин Константин Владимирович

МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ КАК ПАМЯТНИК
ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ И ПРАВА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре истории России до начала XIX века Исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: **Горский Антон Анатольевич**
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России до начала XIX
века Исторического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты: **Корогодина Мария Владимировна**
доктор исторических наук,
заведующий Научно-исследовательским отделом
рукописей ФГБУН «Библиотека Российской
академии наук»

Опарина Татьяна Анатольевна
кандидат исторических наук,
профессор, декан факультета искусствоведения
ФГОУ ВПО «Российская академия живописи,
ваяния и зодчества Ильи Глазунова»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт славяноведения Российской
академии наук»

Защита состоится «__» _____ 2017 г. в __ часов на заседании диссертационного
совета Д 501.001.72 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский
проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет, ауд. А-419.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1,
Москва, Ломоносовский проспект, д. 27 и на официальном сайте Исторического
факультета: <http://www.hist.msu.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 201_ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Н.Г. АБРАМОВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Мерило Праведное известно отечественной науке около двух столетий, оставаясь, впрочем, недостаточно изученным. Между тем Мерило является древнейшим русским юридическим сборником, составленным для князя и, таким образом, претендующим на роль светского судебного кодекса. Этот сборник, датируемый в литературе XIII или XIV веком, включил в свой состав церковные каноны, большинство известных в Древней Руси юридических текстов нецерковного происхождения (составляющих второй раздел сборника), а также целый ряд учительных текстов (объединенных в первый раздел, объем которого меньше в четыре раза). Благодаря особенностям состава Мерила Праведного изучение этого сборника лежит на пересечении истории литературы и истории права Древней Руси. При общей скудости русских книжных источников старшего периода значение этого источника трудно переоценить.

Мерило во всем его объеме еще не становилось объектом монографического исторического исследования. До сих пор не были полностью определены источники, использованные создателями сборника. Идентификация текстов, входящих в состав Мерила Праведного, позволяет существенно обогатить представление исследователей о репертуаре древнерусской книжности XIII-XIV вв., выявить взаимосвязи Мерила с целым рядом текстов IX-XVII вв., а также прояснить методы работы древних компиляторов с книгами из своих библиотек.

Сборник явился одним из результатов «постепенного восстановления культурных ценностей прошлого... после Батыевой рати»¹, и, таким образом, данная работа имеет прямое отношение к истории русской культуры этого важного периода.

Мерило находится в тесной связи с Русской редакцией Кормчей книги, поэтому исследование одного сборника неизбежно проливает свет на происхождение другого. В значительной мере Мерилу русская книжность обязана обогащением рукописной традиции Русской Правды, традиционно стоящей в центре исследования

¹ Тихомиров М.Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Тихомиров М.Н. Русская культура X-XVIII веков. М., 1968. С. 173.

древнерусского законодательства и права. Подробное рассмотрение всех текстов, читающихся в сборнике, дает новые штрихи для характеристики Правды.

Мерило принадлежит к числу редких юридических памятников Древней Руси, содержащих авторскую рефлексию по поводу своего создания. Тем самым оно предоставляет благодарный материал для изучения более широкой проблемы – функций права в Древней Руси и, в частности, для сравнения древнерусской правовой мысли с византийской.

Степень разработанности темы. Историографию сборника нельзя назвать обширной. Работы же, посвящённые Мерилу как целому, а не отдельным его частям, и вовсе немногочисленны. Для науки Мерило Праведное было открыто в 1819 г. К.Д. Калайдовичем и П.М. Строевым, которые указали на его связь с Кормчей книгой и предположили, что создание сборника относится к концу XI или началу XII в.²

Г.А. Розенкамф в классическом исследовании о Кормчих книгах кратко остановился на Мерило, охарактеризовав его как «русское вступление к Номоканону Фотия»³. Н.В. Калачов посвятил Мерилу специальную статью, высказав мысль, что оно представляет собою самостоятельный памятник – «собрание светских законов»⁴. Исследователь впервые указал, что памятник разделяется на две части, из которых с «Кирилловской» (по современной терминологии – Русской) редакцией Кормчей сходна вторая⁵. Раскрыв, хотя и не вполне, состав Троицкого списка, Калачов впервые отметил наличие в нем полного перевода Прохирона и ряда императорских новелл, не указав, однако их источника – Кормчей Сербской редакции. Ученый полагал, что Мерило имело практическое назначение и служило пособием для княжеских судебных чиновников. Составление Мерила Калачов считал возможным относить ко времени «вскоре после принятия и утверждения в России христианской веры»⁶.

² [Калайдович К.Д., Строев П.М.] Предисловие к изданию 1819 года // Законы великого князя Ивана Васильевича и Судебник царя Иоанна Васильевича с дополнительными указами. М., 1878. С. VI.

³ Розенкамф Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1839. С. 195.

⁴ Калачов Н.В. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850. С. 18.

⁵ Он же. Мерило Праведное // Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. 1. С. 33.

⁶ Калачов Н.В. Мерило Праведное... С. 29.

Архиепископ Филарет (Гумилевский) приписал читающееся в Мериле и адресованное великому князю анонимное поучение митрополиту Кириллу II (†1281), а также допускал причастность главы Русской Церкви к составлению всего сборника⁷. Именно Филарет впервые обнаружил в Мериле места, совпадающие с текстом правил Владимирского собора 1273 г.

Прославленный канонист А.С. Павлов разошелся во мнениях с Калачовым. Ученый не признал за Мерилом самостоятельной ценности, считая, что оно «составлено из готового славянского материала» из кормчей Русской редакции⁸. Авторитет Павлова послужил причиной тому, что его мнение удержалось в литературе на многие годы⁹. В 1917 г. оно было почти буквально повторено М. Бенеманским¹⁰.

Е.Е. Голубинский допускал, что автором анонимного поучения из Мерила является Стефан Пермский. Церковного историка ввела в заблуждение публикация этого текста М.П. Погодиным по одной из рукописей своего собрания, где присутствует ложная атрибуция¹¹. Голубинский полагал, что «за собственное Мерило должна быть принимаема» первая часть сборника. В вопросе о происхождении этой части ученый колебался между гипотезами о славянской компиляции и переводе с греческого, склоняясь, однако, к последней версии и особо подчеркивая «темноту» и «философский характер» поучения великому князю¹².

Исследуя помещенные в Мериле Праведном фрагменты из древнерусского перевода «Пчелы», знаток славянской переводной книжности М.Н. Сперанский коснулся и вопроса о сборнике в целом, оценив его «во всем... объеме» как

⁷ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е. СПб., 1884. Кн. 1. С. 61.

⁸ *Павлов А.С.* Книги законные, содержащие в себе, в древне-русском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные // Сборник ОРЯС. СПб., 1886. Т. 38. № 3. С. 15-16.

⁹ См.: *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009. С. 80.

¹⁰ *Бенеманский М.* Закон градский. М., 1917. С. 38.

¹¹ Стефана Епископа Пермского, от Божественного Писания, поучительное послание к православному Царю и Великому Князю Димитрию Иоанновичу Всея Руси, Самодержцу и Победоносцу // Москвитянин. 1847. Ч. I. С. 121-128.

¹² *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1900. Том 2. Ч. 1. С. 294-295; 880-881.

«сознательно сделанный подбор материала»¹³. Сперанский предполагал, что анонимное поучение великому князю принадлежит перу митрополита Кирилла II или, по крайней мере, его современника.

В классическом исследовании о Русской Правде особую главу посвятил Мерилу Праведному М.Н. Тихомиров. Согласно представлению ученого, сборник был создан митрополитом Никифором в начале XII в., а впоследствии переработан в Северо-Восточной Руси в конце XIII в. – быть может, тверским епископом Симеоном († 1289), чье «Наказание» читается в составе памятника. Мерило в первоначальном виде содержало, по словам Тихомирова, как учительную, так и юридическую часть, хотя обе они были короче¹⁴. Мнение о постепенном складывании Мерила высказывалось также С.В. Юшковым, но этот исследователь рисовал иную картину: по его мысли, первая и вторая части сборника некогда были самостоятельными памятниками. В свою очередь, вторая часть («Сборник 30 глав») была составлена из двух самостоятельных сборников – византийских и русских статей¹⁵.

Связь Мерила и Кормчей книги была впервые по достоинству оценена в трудах Я.Н. Щапова. Исследователь славянской канонической литературы отметил в Мериле целый ряд заимствований из Сербской редакции Кормчей: новеллы Алексея Комнина и Прохирон в полном виде. Таким образом, стало ясным использование в Мериле Праведном материалов сразу двух редакций Кормчих¹⁶.

Неоднократно обращался к Мерилу Праведному Л.В. Милов. Ученый занимался палеографией Троицкой пергаменной рукописи¹⁷, сохранившимся в составе сборника

¹³ Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М., 1904. С. 319.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.: Л., 1941. С. 94.

¹⁵ Юшков С.В. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.) // Серафим Владимирович Юшков (Труды выдающихся юристов). М., 1989. С. 51-52; 66-69.

¹⁶ Щапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // ВВ. М., 1977. Т. 38. С. 53. См. также: Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978. С. 154-155.

¹⁷ Милов Л.В. Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мерила Праведного) // Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009. С. 212-232.

славянским переводом Эклоги¹⁸. В вопросе о времени создания Мерила Л.В. Милов был солидарен с М.Н. Тихомировым, но выдвинул предположение о возникновении в позднейшее время тверской редакции сборника, в которую было добавлено «Наказание» местного епископа Симеона¹⁹.

Вопроса о составе Мерила касается Г.А. Николаев, разделяя мнение А.С. Павлова о составлении сборника из готового материала. В то же время исследователь смотрит на Мерило как на памятник, возникший единовременно во всех своих частях, и атрибутирует помещенное в сборнике поучение митрополиту Кириллу II (при возможном соавторстве Серапиона Владимирского)²⁰.

М.В. Корогодина в капитальном исследовании о Кормчих книгах датировала Мерило Праведное началом XIV в. и отождествила его составителя с митрополитом Максимом, а адресата – с великим князем Михаилом Ярославичем²¹. Исследовательница выдвинула убедительную гипотезу о создании в 1260-е – 1270-е гг. некоего сборника (условно называемого ей «сборником подготовительных материалов»), к которому обращались как составители Русской редакции Кормчей, так и создатели Мерила²². Таким образом, отношения между Кормчей и Мерилом представляются значительно более сложными, чем полагали ранее.

Автор этих строк посвятил Мерилу особое исследование²³, в котором также доказывает единовременность создания памятника и старается, развивая давнюю гипотезу М.Н. Сперанского, атрибутировать его митрополиту Кириллу II. Теперь, в свете новых данных, этот тезис выглядит далеко не безупречным и подвергается в настоящей работе пересмотру. В указанном исследовании был также выявлен ряд не опознанных ранее источников сборника.

¹⁸ *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // *Милов Л.В.* Исследования... С. 79-110; *Он же.* Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // *Милов Л.В.* Исследования... С. 111-124.

¹⁹ *Милов Л.В.* Тверская школа книжного письма... // *Милов Л.В.* Исследования... С. 224-232.

²⁰ *Николаев Г.А.* «Мерило Праведное» (заметки о составе памятника) // *Православный собеседник.* 2007. Вып. 1 (14). С. 75. Автор допускает также, без серьезных оснований, соавторство Серапиона Владимирского.

²¹ *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII вв. как исторический источник: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. С. 91-92.

²² Там же. С. 174.

²³ *Вершинин К.В.* К вопросу о происхождении Мерила Праведного // *Средневековая Русь. Проблемы политической истории и источниковедения.* Вып. 11. М., 2014. С. 150-264.

Существуют также исследования, посвященные первому, учительному разделу Мерила Праведного. Последнее и наиболее полное из них принадлежит Р. Шнайдеру, впервые выявившему целый ряд источников сборника²⁴. Некоторые дополнения к наблюдениям ученого сделал Й. Райнхарт в рецензии на его труд²⁵. Сохраняет свое значение работа Н.Н. Дурново, определившего источники статьи Мерила «От Шестодънъца избрано о животѣхъ»²⁶. Составители Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. нашли параллели к статьям Мерила в Пандектах Никона Черногорца²⁷, А.А. Турилов и Б.Н. Флоря – в Прологе²⁸.

В целом Мерило Праведное до сих пор изучено недостаточно. Тому свидетельством как разноречия исследователей по поводу его авторства и датировки, так и наличие в сборнике отрывков, источники которых еще не установлены. Нет определенности в оценке связей Мерила с Кормчей книгой. Автор настоящей работы постарается по мере сил заполнить указанные пробелы историографии.

Объектом исследования является древнерусский сборник Мерило Праведное, сохранившийся в четырех списках, разнообразные извлечения из него в других рукописях, а также некоторые взаимосвязанные с ним памятники. **Предметом исследования** выступают тексты упомянутых памятников и обнаруживающиеся в них исторические реалии, символическое наполнение и текстологические связи.

Цель исследования состоит во всестороннем изучении Мерила Праведного как памятника книжности и права средневековой Руси, выяснении функций этого памятника и обстоятельств его рукописного бытования. Для достижения поставленной цели решается ряд научных задач:

- 1) Уточнение датировки Мерила Праведного;

²⁴ Schneider R. (eingeleitet und hrsg.). Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe. Freiburg i. Br., 1986.

²⁵ Reinhart J. Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo pravednoe. Eing. und hrsg. von R. Schneider [Rez.] // Die Zeitschrift für slavische Philologie. 1989. Band 49. S. 401-419.

²⁶ Дурново Н.Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического Общества. М., 1902. Т. 3. С. 45-118.

²⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2004. С. 327.

²⁸ Турилов А.А., Флоря Б.Н. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 2009. С. 61-62.

- 2) Выдвижение гипотезы о его авторстве;
- 3) Наблюдение над взаимосвязями Мерила с другими памятниками рукописной книжности;
- 4) Возможно более полное определение славянских и переводных источников сборника;
- 5) Выявление ближайшего литературного окружения Мерила
- 6) Попытка истолкования памятника в историческом контексте.

Источниковая база диссертации включает, помимо основного источника, вынесенного в заглавие, широкий круг различных текстов, значительная часть которых не опубликована. Почти все использованные источники относятся к памятникам славянской письменности. Прежде всего, это Кормчая и другие славянские канонические сборники; далее, это произведения славянской оригинальной и переводной книжности, извлечения из которых включены в Мерило Праведное; наконец, это литературное окружение изучаемого сборника, а также иные с ним связанные тексты, часть из которых в настоящем исследовании впервые вводится в научный оборот. В целом в работе использовано более 100 неопубликованных рукописных источников. В ряде случаев мы обращаемся к греческим оригиналам переводных сочинений. Классические нарративные (например, летописные) и актовые материалы также играют в работе вспомогательную роль и привлекаются редко в силу особенностей главного источника – Мерила Праведного, содержащего крайне незначительное число исторических реалий.

Методы исследования. Основные методы, применяемые в настоящем исследовании, традиционны для работы со средневековыми книжными материалами. Следует прежде всего назвать *методы эвристического характера*, а именно: обнаружение полных и частичных списков источника (по печатным описаниям, а также путем сплошного просмотра рукописных фондов библиотек), выявление литературного окружения исследуемого памятника с целью точнейшего определения обстоятельств его создания. Кроме того, в работе используются *методы текстологического анализа*, благодаря которым классифицируется и обобщается собранный материал, а также детально исследуется вопрос об источниках Мерила

Праведного. Наконец, *сравнительно-исторический метод* позволяет сделать наблюдения над общими и различными чертами в юридической культуре Руси и Византии, вписать предмет исследования в более широкий исторический контекст. Метауровень исследования достигается *историко-системным методом*, в рамках которого славянская (и – шире – восточнохристианская) книжность рассматривается как целостная, устойчивая система.

Научная новизна исследования заключается в том, что Мерило Праведное впервые подвергается монографическому исследованию во всей его полноте. Кроме того, в научный оборот впервые вводится ряд разысканных нами текстов, созданных, как доказывается в работе, в том же книжном центре, что и Мерило Праведное. Высказываются новые для отечественной историографии соображения об особенностях права и правовых памятников Древней Руси.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут использоваться в работах о книжности и праве Руси (и мира Slavia Orthodoxa в целом). Выводы, касающиеся рассмотренного нами юридического кодекса, могут быть проверены на примере иных правовых памятников средневековья.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в докладах на Семинаре молодых исследователей журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (Москва, 23.09.2014); студенческо-аспирантской конференции «Письмо и повседневность: рождение источника» (Москва, 27.11.2014); IV Чтениях памяти академика Л.В.Милова (Москва, 29-30.10.2015); научном семинаре Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН (03.11.2015); VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 15-18.09.2015). По теме диссертации опубликовано семь статей общим объемом 7,07 п.л. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX века Исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Мерило Праведное было создано одновременно во всех своих частях между 1273 и 1294 гг.

2. Вероятным составителем Мерила Праведного является, согласно данным текстологии, Иаков черноризец, автор послания ростовскому князю Дмитрию Борисовичу.
3. Мерило Праведное представляет собой компиляцию из произведений переводной и, в меньшей степени, оригинальной славянской книжности. В частности, при создании первого раздела Мерила была применена архаичная литературная техника сплошного компилирования цитат.
4. Ближайшее литературное окружение Мерила, принадлежащее перу того же книжника, составляют (помимо послания Дмитрию Борисовичу): «Поучение новопоставленному священнику» в редакции Кормчей; «Правило черноризцем»; вновь открытый памятник «Источник премудрости» (возможно, являющийся продолжением «Правил»).
5. Наличие в Мериле Праведном значительного числа учительных текстов не противоречит правовому назначению сборника. Создатели Мерила Праведного мыслили право как разновидность словесного творчества. В этом сборник следует современным ему византийским представлениям, особенно распространенным в области канонического права.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, формулируются цели и задачи последнего. Дается очерк истории изучения Мерила Праведного в XIX – начале XXI вв.

Глава I («Рукописная традиция Мерила Праведного») посвящена рукописной традиции Мерила Праведного. Рассмотрены все известные в настоящее время полные списки памятника. Текстология рукописей предполагает существование по меньшей мере трех не дошедших до нас списков. Ближайшей к архетипу следует признать

старшую рукопись – пергаменную Троицкую XIV в. Выясняется также, что сохранившиеся в списках Мерила имена князей, как правило, не могут служить надежным основанием для датировки и локализации архетипа. Так, имя Ярослава Святославича, в котором исследователи видели князя XII в. и непосредственного адресата сборника²⁹, по всей вероятности, проникло в Мерило на позднейшем этапе его рукописного бытования.

Изучаются фрагменты Мерила Праведного, читающиеся в рукописях различного содержания XV-XIX вв., причем обобщается материал, собранный в ходе интенсивных архивных поисков. Более 20 рукописных отрывков привлечены к исследованию впервые. Рассматриваются также цитаты из Мерила Праведного в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» и в ряде списков переводного произведения «Прение Иакова новокрещенного с иудеями» («Иаков Жидовин»).

Делается вывод об относительно широкой известности Мерила Праведного среди русских книжников. Прямое влияние Мерила на другие памятники имело место в XIV-XV вв., а опосредованное ощущалось даже в начале XIX в. Интерес к его юридической составляющей был низок, в то время как к учительной части обращались неоднократно и использовали ее в новых компиляциях – а это является важнейшим показателем востребованности текста в средневековой книжности. Сложившаяся в конце XIII в. Русская редакция Кормчей, положившая впоследствии начало множеству других редакций, оставляла в рукописной традиции мало места второй части Мерила, большинство статей которого имеет в каноническом сборнике прямые аналоги. Отсутствие сведений о княжеских библиотеках не позволяет судить о степени распространения сборника среди светских властей – его непосредственных адресатов.

Глава II («Первая часть Мерила Праведного») посвящена первому, учительному, разделу сборника. Анализируется миниатюра Троицкого пергаменного списка, на которой изображен праведный судья на троне. В этой фигуре можно узнать одного из царей древнего Израиля – Давида или Соломона, но точное отождествление

²⁹ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.: Л., 1941. С. 93.

невозможно: здесь в образе праведного судьи могли быть сплавлены разные библейские персонажи. В изображенных на миниатюре весах видится не только легендарное «мерило праведное» – весы, созданные Соломоном для Иерусалимского храма³⁰, но и отсылка к евангельскому «мерилу праведному» – Крест Господень, который именуется так в тропаре девятого часа, когда вспоминается крестная смерть Спасителя. Таким образом, и название сборника наполняется библейскими аллюзиями. Мерилом в христианской традиции может также называться совесть: так, по словам Василия Великого, «есть в каждом из нас внутри некое мерило от Создателя нашего устроенное»³¹. Таким образом, уже миниатюра в Мериле Праведном и заглавие сборника отсылают нас к нравственным понятиям о суде, чуждым классическому римскому праву, но впоследствии достигшим в Византии значительного развития. Дальнейший текст развернутого заглавия (где «Мерило Праведное» – только первые два слова) навеян, как выясняется, образами, заимствованными из аскетической литературы.

Немалое место уделено анонимному поучению великому князю (§2). Главный результат его исследования – это несомненность компилятивного характера текста и, следовательно, почти полное отсутствие в тексте исторических реалий. В отношении датировки можно опереться на цитаты из Кормчей Русской редакции и правил Владимирского собора 1273 г.: очевидно, Мерило Праведное не могло быть создано до этой последней даты. Ничто не связывает поучение с какими-либо юридическими сюжетами в современном смысле этого термина. По форме памятник представляет собой послание духовному сыну, по содержанию – богословский трактат, в центре которого оказывается христологическая тематика. Для развития изложенных идей автор привлекает самые разнообразные памятники, которые встают с библейскими цитатами в один ряд, что естественно: в славянском мире представления о каноне «не были строгими», границы Писания –

³⁰ Хождение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи // БЛДР. СПб., 2004. Т. 10. С. 80.

³¹ Беседы святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския, на Псалмы. СПб., 1825. С. 324-325.

«расплывчатыми»³². Вместе с тем сам набор использованных источников превратил текст в своего рода призму, в которой отразился состав крупной митрополичьей или епископской библиотеки конца XIII в.

В ходе исследования в поучении был, в дополнение к уже известным, вновь выявлен целый ряд цитат из переводной книжности – сочинений Григория Богослова, Василия Великого, Кирилла Иерусалимского, Мефодия Патарского (Олимпийского), Иоанна Лествичника, Андрея Критского, а также из произведений Кирилла Туровского и анонимных текстов. Поучение «соткано» из мелких и мельчайших фрагментов имевшихся в распоряжении составителя памятников. Таким образом, книжник активно использует древнюю литературную технику, почти современную самой славянской письменности.

Вслед за поучением исследуются другие статьи учительной части Мерила. Доказывается, что две из их числа («Наказание князем» и «Толкование Златоуста») являются, подобно рассмотренному выше тексту, русскими компиляциями и принадлежат перу того же книжника. В них также обнаружены цитаты из переводных авторов – Григория Великого (Двоеслова), Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, а также из Пандект Никона Черногорца и Симеонова Изборника.

Прочие статьи представляют собой компиляции из фрагментов единственного источника с редкими инородными вкраплениями (таковы отрывки из «Пчелы», статья «От Шестодня избрано о животех», компиляции на основе Паримийника) или тексты, перенесенные откуда-либо целиком без существенных изменений (отрывки из Пролога, жития Иоанна Милостивого, Пандект Антиоха Черноризца и Никона Черногорца). Впрочем, на всем протяжении первой части Мерила обнаруживаются интерполяции, выдающие руку книжника – автора вводного поучения. Таким образом, вся первая часть Мерила была создана единовременно одним и тем же лицом. Единственным исключением является «Наказание» тверского епископа Симеона: по мнению автора работы, его наличие в архетипе сборника не доказано. Косвенно против этого свидетельствуют новые данные о

³² *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 28-29.

рукописной традиции «Наказания», собранные автором и излагаемые в §4. Поэтому упомянутый текст не может служить аргументом в вопросе о месте составления архетипа Мерила Праведного. Исследование позволило собрать существенный материал о различных произведениях славянской книжности и их бытовании. В частности, был сделан вывод, что Мерило зависит от Пролога пространной редакции (а не наоборот). Обращение к отрывку из жития Иоанна Милостивого позволило показать наличие в славянской традиции двух разных переводов этого памятника.

В **Главе III («Вторая часть Мерила Праведного»)** изучается второй, юридический, раздел Мерила Праведного. Дается подробная роспись содержания раздела. Исследуется логика составления последнего: здесь после вводных текстов («Разум о винах», «Образ винам») следует глава (гл. 2) о свидетелях («послухах»), создающая связку с первой частью Мерила и убеждающая читателя в исключительной роли свидетелей на суде. Внимание к свидетельским показаниям в христианской культуре восходит к Священному Писанию, и важнейшие в этом отношении места приводятся в этой главе в выписках из Моисеева Закона. Дальнейшие главы расположены согласно иерархии лиц, о которых идет речь. Характерно, что «цесари и князи» помещаются на первом месте (гл. 3), что подчеркивает адресацию сборника князю. Неожиданный и даже беспрецедентный для христианской правовой традиции приоритет «светской» тематики, впрочем, отчасти нивелируется указанием, что читателю предлагаются законоположения «различных сборовъ» (следовательно, светская власть не может быть выше духовной), а также тем, что в самих главах светские узаконения располагаются только после церковных канонов. Следующие разделы посвящены епископам (4-7), причту (8), мирянам (10), бывшим еретикам (14). Фактически мирянам посвящены и главы 11-13, где собраны правила Григория Нисского, Василия Великого, Григория Неокесарийского, относящиеся преимущественно к «уголовной» тематике. Некоторым нарушением этого стройного ряда выглядит глава 9, посвященная ростовщичеству. Между главами 11-29, где помещается Моисеев Закон и светские юридические памятники, расположились установления о браках (глава 25). В конце

Мерила Праведного находится безымянная глава («О властѣхъ» – заглавие не всей главы, а первых ее статей), где собраны различные тексты, которые не удалось распределить по остальным главам (своего рода *miscellanea*). Описанный порядок расположения глав вполне соответствует византийским образцам. Например, 50 титулов Собрания Иоанна Схоластика также подчиняются нисходящему порядку субъектов права: вначале речь идет о патриархах, затем – митрополитах, епископах, клириках, мирянах, монахах, оглашенных, схизматиках, еретиках. В Собрании 14 титулов порядок таков: епископы и клирики, монахи, еретики, миряне, «весь народ»³³. В византийских канонических сборниках порядок также выдержан не полностью: градус систематизации падает по мере движения от начала к концу³⁴. Больше соответствие концовке Мерила представляет Собрание 14 титулов, где последний раздел посвящен «общему у всех людей». В то же время в греческих собраниях подобная система применяется только в указателе, поэтому в Мериле Праведном следует видеть творческое развитие византийских принципов систематизации права. Предпосланное второй части Мерила оглавление не имеет, по-видимому, аналогов в греческой традиции.

Читающееся в данном разделе Мерила «Правило о церковных людях» имеет, по мнению автора, владимирское происхождение, датируется концом XIII в. Не исключено, что этот памятник был создан непосредственно для Мерила. Не настаивая на этом категорически, нельзя не посчитать перспективными дальнейшие поиски в этом направлении.

Ряд частных наблюдений удалось сделать относительно нескольких мелких статей, расположенных во втором разделе сборника. Так, были выявлены заимствования из анонимной толковой компиляции, сохранившейся в списках XV-XVI в., но восходящей к XII в. Одно из этих заимствований в рукописях приписывается Геннадию – возможно, константинопольскому патриарху V в., почти все творения которого в оригинале утрачены. Статья «О кресте» восходит к 73 правилу Трулльского собора в редакции Устюжского сборника. Статья о 12 ветрах

³³ *Wagschal D.* Law and Legality in the Greek East. The Byzantine Canonical Tradition, 381-883. Oxford, 2015. P. 261.

³⁴ *Ibid.* P. 271-274.

представляет собой компиляцию из переводного «Богословия» Иоанна Дамаскина и перечня ветров, который восходит к неизвестному греческому источнику, близкому к фрагменту из «Книги историй» Иоанна Цеца (XII в.). Греческим названиям ветров даны соответствия – одна из древнейших фиксаций славянской географической терминологии.

Большинство текстов, помещенных во втором разделе сборника, не подверглось редактированию. Тем не менее и здесь удалось обнаружить ряд интерполяций, принадлежащих, несомненно, тому же книжнику, который работал над первым разделом Мерила. Поэтому следует заключить, что первая и вторая части сборника были сформированы в одно и то же время, в одном книжном центре. Текстологические данные заставляют связывать вторую часть Мерила с ближайшим протографом Новгородской Синодальной Кормчей.

В **Главе IV** выявляется и исследуется **Литературное окружение Мерила Праведного**. К этому окружению автор относит следующие памятники: «Поучение новопоставленному священнику» (в редакции Кормчей); «Правило черноризцем» (сохранившееся в Кормчей Русской редакции и сборниках смешанного содержания); вновь открытый памятник «Источник премудрости» (возможно, являющийся продолжением «Правила»); послание Иакова черноризца Дмитрию Борисовичу.

Все перечисленные памятники имеют несомненную связь с Мерилом Праведным. Больше всего общих черт они обнаруживают с теми статьями сборника, которые были в настоящем исследовании определены как компиляции из мелких фрагментов готовых текстов. Общими являются как методы компилирования, так – в значительной степени – и набор использованных источников. Так, например, в «Правиле черноризцем» читается отрывок из такого редкого текста, как трактат «О прокажении» Мефодия Патарского, известного и составителю Мерила. Как составитель изучаемого сборника, так и Иаков черноризец проявляют пристрастие к речениям Соломона в необычных редакциях, читающихся в полном переводе Бесед на Евангелие Григория Великого (Двоеслова). При этом один и тот же источник

отражается в разных памятниках в разном объёме, исключая простое заимствование в Мерило или, напротив, из него.

Так как «Поучение новопоставленному священнику» и «Правило черноризцем» входят в состав младшего вида Кормчей Русской редакции (уже в старшем списке 1280-х – 1290-х гг.), атрибуция этих текстов составителю Мерила заставляет относить возникновение сборника к последней четверти XIII в. Тесная связь Мерила с посланием Иакова черноризца позволяет выдвинуть предположение о тождестве составителя сборника и упомянутого корреспондента ростовского князя.

В **Главе V**, озаглавленной **«Мерило Праведное и рецепция византийского права на Руси»**, делается попытка вписать изучаемый памятник в исторический контекст. Вначале излагается разделяемый автором взгляд на христианское средневековое право как на комментарий к священным религиозным текстам. Такая точка зрения обоснована, в частности, в работах исследователей направления «Право и литература»³⁵. В соответствии с этим взглядом нужно говорить не о многоголосии правовых систем Древней Руси³⁶, а о едином комплексе юридических текстов, пусть и различного (в наших глазах) происхождения. Обосновывается скептический взгляд на практическое применение писаного и, в частности, переводного права на Руси в эпоху Мерила Праведного.

Особое значение имеет **§3 («Мерило Праведное в контексте эпохи»)**, где дается краткий очерк развития византийского права. Последнее после эпохи расцвета римского права при Юстиниане I все больше подвергалось христианизации. Апогей этого процесса приходится на правление императоров-иконоборцев из исаврийской династии – Льва III и Константина V. Но и впоследствии, хотя на словах «законодательная программа исаврийцев была осуждена», на деле она была во многом «продолжена и заимствована» новыми императорами после восстановления почитания икон³⁷. Немалое влияние на светское право Византии оказало

³⁵ См., например: *Ost F. Raconter la loi: Aux sources de l'imaginaire juridique*. Paris, 2004. P. 51-81.

³⁶ *Franklin S. A Polyphony of Rules and Categories: the Case of Early Rus // Legalism: Rules and Categories*. Oxford, 2015. P. 177-204.

³⁷ *Humphreys M.T.G. Law, Power, and Imperial Ideology in the Iconoclast Era: c. 680-850*. Oxford, 2015. P. 271.

каноническое право Православной Церкви. Понятия древнерусских книжников о праве не составляли контраста с воззрениями, распространенными в современной этим книжникам Византии.

В этой связи автору представляется, что отсутствие на Руси следов рецепции классического римского права не свидетельствует об отсутствии правового влияния Византии. Древнерусские юридические сборники и, в частности, Мерило Праведное находятся в русле господствующей в Византии той эпохи традиции, которая характеризуется концентрацией права вокруг Писания, но в то же время неопределенными, «плавающими» границами, оставляющими за книжниками значительную свободу обращения с текстами³⁸.

Вопрос о конкретном влиянии Мерила Праведного на судебную практику является не только неразрешимым, но и не столь важным на фоне юридических представлений эпохи. Это не мешает оценивать сборник как памятник права. Однако рассматривать его следует в качестве потенциально наличного в древнерусской книжности свода правил, который мог применяться от случая к случаю. В этом отношении Мерило представляет собой светский аналог Кормчей книги. В конечном итоге нужно согласиться с выводом Д. Вагшала, что современные юридические понятия вообще трудно приложимы к нашему предмету³⁹, и даже сам термин «право» следует здесь использовать с большой осторожностью – лишь как модель с ограниченной познавательной ценностью.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования. В работе было целиком проанализировано Мерило Праведное: определен его состав, впервые выявлен ряд источников, выявлено его ближайшее литературное окружение. Исследование позволяет утверждать, что Мерило Праведное возникло одновременно во всех своих частях не ранее 1273 г. Составивший его книжник принимал участие в написании дополнений к Кормчей Русской редакции около 1278 г. Наиболее вероятным составителем сборника является Иаков черноризец – автор послания ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (1278-1294). В соответствии с этим нужно относить сборник к достаточно широкому временному промежутку до 1294 г.

³⁸ Ibid. P. 83-87.

³⁹ Wagschal D. Law and Legality... P. 132-133.

Выдвинутое предположение заставляет, в свою очередь, внимательно отнестись к гипотезе о тождестве ростовского книжника Иакова и одноименного владимирского епископа (1288-1295).

Мерило Праведное – памятник, своеобразно сочетающий в себе славянские и византийские черты. Вековые традиции славянской книжности нашли особенно полное выражение в первой части сборника – самостоятельной компиляции из множества переводных источников. Несмотря на сравнительно малый объем, эта часть Мерила Праведного отличается значительным богатством состава, что позволяет ей встать в один ряд с такими сборниками устойчивого типа, как Княжий Изборник или более поздняя Златая Цепь. Для своего же времени этот раздел уникален и является ценным свидетельством о составе крупной библиотеки Северо-Восточной Руси конца XIII в. Литературная техника, применяемая в Мериле, архаична для своего времени.

Естественным для средневекового книжника образом «юридические» воззрения эпохи нашли выражение именно в первой части сборника. Если каноны и императорские узаконения, как правило, не подлежали редактированию, то здесь компилятор мог проявить почти полную свободу. Более подробных размышлений на «юридическую» тематику в книжности Древней Руси старшего периода нет.

Главное, что внесло Мерило в отечественную книжность – это представление о законе как о наборе антиномий, противоречия между которыми разрешаются в личности судьи. Отсюда – повышенное внимание сборника к нравственному облику «Божьего слуги» – князя, который должен восходить «от степени на степень» по духовной лестнице. Несомненно, что «ориентация судьи на писанный закон» отсутствовала на Руси вплоть до XV-XVI в.⁴⁰. Но совершенно незачем видеть в этом русское истолкование переводных источников: во многом так же обстояло дело в самой Византии, в особенности – в сфере канонического права, с которым Русь была знакома больше всего.

Это не повод для однозначного вывода, что юридические тексты воспринимались исключительно как «духовные, символические, идеологические и

⁴⁰ Долгов В.В. Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила Праведного») // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 96.

нравоучительные»⁴¹. В каноническом праве, верном античной по происхождению традиции, закон формулировался в литературной форме, являясь «одним из аспектов более пространных нарративов о добре и зле»⁴². Когда право выражается в литературной форме, то юридические тексты – а следовательно, и вторая часть нашего сборника – могут отчасти считаться учительными. Соответственно и первая часть Мерила балансирует на грани княжеского «зеркала» и предисловия к Номоканону.

Таким образом, изучаемый сборник в существенной степени подражает византийским образцам. Своеобразие Мерила проявилось в том, какими источниками пользовался его составитель. Он широко использовал памятники канонического права и переводной пастырской и аскетической литературы, благодаря чему христианизация права в сборнике достигла большей степени, чем это когда-либо происходило в Византии. В этом отношении Мерило Праведное можно оценить не только как первую попытку последовательной христианизации светского права на Руси, но и как самостоятельное продолжение аналогичной тенденции в византийском праве.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. *Вершинин К.В.* К вопросу о происхождении Мерила Праведного // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2014. Вып. 11. С. 147-256 (4,77 п.л.).
2. *Вершинин К.В.* Особенности Мерила Праведного как сборника // Письмо и повседневность. М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 1. С. 80-85 (0,27 п.л.).
3. ***Вершинин К.В.* «Правило черноризцем»: к изучению связи Мерила Праведного с Кормчей Русской редакции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 36-48 (0,89 п.л.).**
4. *Вершинин К.В.* О возможном месте составления Мерила Праведного // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 22-23 (0,12 п.л.).

⁴¹ Там же. С. 96.

⁴² *Wagschal D.* Law and Legality... P. 124.

5. *Вершинин К.В., Матасова Т.А.* К вопросу о переводных текстах греко - латинской традиции в Московской Руси: памятники Древней и новой книжности в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16 из коллекции НИОР РГБ // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. Под ред. Д. Ю. Арапова, Н. С. Борисова, Л. Н. Вдовиной и др. М.: МГУ, 2015. С. 118-123 (0,31 п.л.).
6. *Вершинин К.В.* Цитаты из бесед Григория Великого на Евангелие в Мериле Праведном и его литературном окружении // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* 2015. Roč. 84. Seš. 4. S. 402-408 (0,45 п.л.).
7. ***Вершинин К.В.* Об одном источнике Мерила Праведного и Кормчей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 5-8 (0,26 п.л.).**